

Человек боится не смерти. Он боится тишины после неё.

РЕПЕТИЦИЯ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА

Сборник новелл

ДОКТОР ПЁТР СОЙФЕР

18+

Петр Сойфер

Репетиция последнего слова

<https://litres.ru/74525388>

SelfPub; 2026

Аннотация

В прибрежном шотландском городке Крейгхейвен почти триста лет работает похоронное бюро «Маккиннон и сыновья». Сыновей давно нет, но остался кондуит — архив чужих судеб и слов, которые люди не успели произнести при жизни.

Морвен Маккиннон не пишет обычных некрологов. Она собирает человека из того, что осталось за фасадом: из молчания, стыда, старых фотографий и случайных оговорок. К ней приходят те, кто хочет заранее услышать последнее слово о себе. Владелец верфей, боящийся умереть непрощённым. Учительница географии с зашифрованным прошлым. Изгнанник, которого десятилетиями считали убийцей. Актриса, забывающая собственное имя. Пекарь, не сумевший сказать детям главное. Физик, объясняющий смерть без лжи.

Семь заказов. Семь репетиций прощания. И одна женщина, которой в конце концов предстоит написать речь о самой себе.

Петр Сойфер

Репетиция

последнего слова

Человек боится не смерти. Он боится тишины после неё.

Репетиция последнего слова

Доктор Пётр Сойфер

Сборник новелл

В прибрежном шотландском городке Крейгхейвен почти триста лет работает похоронное бюро «Маккиннон и сыновья». Сыновей давно нет, но остался кондуит — архив чужих судеб и слов, которые люди не успели произнести при жизни.

Морвен Маккиннон не пишет обычных некрологов. Она собирает человека из того, что осталось за фасадом: из молчания, стыда, старых фотографий и случайных оговорок. К ней приходят те, кто хочет заранее услышать последнее слово о себе.

Владелец верфей, боящийся умереть непрощённым. Учительница географии с зашифрованным прошлым. Изгнанник, которого десятилетиями считали убийцей. Актриса, забывающая собственное имя. Пекарь, не сумевший сказать детям главное. Физик, объясняющий смерть без лжи.

Семь заказов. Семь репетиций прощания. И одна женщи-

на, которой в конце концов предстоит написать речь о самой себе.

Новелла первая. «Генеральная прогонка»

Каждый заказывает не похороны. Каждый заказывает память. Разница лишь в том, готов ли он сказать правду о том, что хочет запомнить.

Акт I. Пролог и эксклюзив

Первые капли ударили в витрину ровно в половине девятого утра, когда Морвен Маккиннон уже стояла у окна своего кабинета с чашкой остывшего чая. Дождь в Крейгхейвене начинался всегда одинаково: без предупреждения, будто кто-то наверху перевернул тяжёлый чугунный таз. За триста лет, что похоронное бюро «Маккиннон и сыновья» — хотя сыновей не было уже давно — стояло на этой самой брусчатке улицы Ватерлоо, дождь ни разу не опоздал.

Морвен отпила чай, отложила чашку на край старого дубового стола и посмотрела на море. Оно было серым, как всё остальное в этом городке: серые вересковые пустыри за чертой прибрежных верфей, серые стены из местного песчаника, серые лица рыбаков, шедших на рассвете к причалу. Только полированный дуб в её кабинете хранил тёплый, мёдно-коричневый оттенок — и то благодаря трём векам ежедневного трения льняным маслом.

Ей было шестьдесят. Сорок из них она работала здесь, в этом здании, где запах старой бумаги, сухого чая и воска пе-

ремешивался с чем-то неуловимым — может быть, с запахом времени, может быть, с запахом тайн. Её прапрапрабабка открыла бюро в 1723 году, когда Крейгхейвен ещё считался портом, а не призраком промышленной эпохи. С тех пор каждая женщина рода Маккиннон передавала следующей не только ключи от сейфа и кондуит, но и что-то более тяжёлое — умение читать людей так, как не читал никто.

Морвен называла это «аналитической сборкой личности». Не некролог. Не панегирик. А расшифровка человека — по статусу, по привязанностям, по рутине, по энергии, которую он тратил день за днём. И по тому, какую ложь о себе рассказывал.

Телефон звонил редко. В большинстве случаев люди приходили сами — или их приводили родственники. Но сегодняшний звонок был особенным.

— Маккиннон, — сказала она в трубку, не спрашивая номера.

— Миссис Маккиннон, — голос был низким, поставленным, с лёгким эдинбургским акцентом, который богатые шотландцы считали признаком воспитания. — Арчибальд Маккензи. Мне сказали, что вы занимаетесь... нестандартными услугами.

Морвен молчала. Она знала, кто такой Арчибальд Маккензи. Весь Крейгхейвен знал. Владелец верфей «Северная звезда», человек, который двадцать лет назад снес половину старого порта, чтобы построить современный сухой док,

превратив сотни семей в переселенцев. Человек, о котором газеты писали как о «градостроителе нового века», а в тавернах — как о «пирате в костюме Брукс Бразерс».

— Я слушаю, мистер Маккензи, — ответила она.

— Мне нужна репетиция. Прижизненная. Полная. С музыкой, текстом, освещением. Я хочу увидеть, как это будет, — он сделал паузу, и в этой паузе Морвен услышала то, что не слышала в словах. Страх. Тщательно замаскированный, но узнаваемый, как запах пота под дорогим одеколоном. — Я заплачу любые деньги.

— Деньги — не главное, — сказала Морвен. — Мне нужно знать, зачем.

— Зачем? — Маккензи рассмеялся, но смех вышел сухим, как шелест архивных бумаг. — Чтобы всё было идеально. Я всю жизнь строил идеальные вещи. Корабли. Доки. Империи. Почему мой последний акт должен быть менее безупречен?

— Хорошо, — сказала Морвен. — Приходите завтра в десять. И привезите всё, что считаете важным для своей биографии. Не ту, что в газетах. Настоящую.

Она повесила трубку и посмотрела на стену, где висел портрет её матери — тоже Морвен Маккиннон, тоже церемониймейстер, тоже с тем же пронзительным взглядом серых глаз. Портрет был написан в 1965 году, и мать тогда была ровно столько же, сколько дочь сейчас.

«Тщеславие, — подумала Морвен. — Тщеславие плюс ви-

на. Классическая комбинация. Но какая вина?»

Она открыла старый дубовый шкаф, где хранился кондуит — архив бюро. Триста лет записей о похоронах, речах, скандалах, тайных любовницах и непризнанных детях. Каждая страница пронумерована от руки, каждая папка перевязана чёрной лентой. Морвен достала том за 1984 год и положила его на стол. Там должна была быть запись о похоронах отца Арчибальда Маккензи — Финлея Маккензи, судостроителя, умершего в пятьдесят два года от разрыва сердца на верфи.

Она знала: прежде чем собирать личность, нужно понять её фундамент.

Акт II. Спектакль и фасад

В десять утра следующего дня к дверям бюро подъехал чёрный «Роллс-Ройс». Из него вышел Арчибальд Маккензи — невысокий, плотный, с красноватым лицом бывшего спортсмена, который давно перестал заниматься спортом, но продолжал носить одежду, рассчитанную на прежнюю фигуру. Серый костюм, бордовый галстук, запонки с изумрудами. За ним из машины выгрузились трое мужчин в чёрном — нанятые актёры, судя по тому, как неуверенно они оглядывались, и женщина с альтом в руках.

— Это квартет? — спросила Морвен, выйдя навстречу.

— Остальные приедут через час, — Маккензи махнул рукой. — Второй скрипка и виолончель. Я заказал лучший струнный квартет Эдинбурга. «Амадей ансамбль». Вы слышали?

— Нет.

— Они играли для королевы.

— Королева тоже заказывала у нас услуги, — спокойно ответила Морвен. — Проходите, мистер Маккензи. Зал готов.

Она вела его через узкий коридор с полированным паркетом к главному залу прощаний — высокому помещению с витражными окнами, где свет падал сквозь изображения святых и рыбаков в странной, готической гармонии. В центре стоял гроб — пустой, открытый, выстланный белым бархатом. Рядом — кафедра для речи, кресло для скорбящих, подсвечники.

Маккензи замер на пороге.

— Всё как настоящее, — сказал он тихо.

— Это и есть настоящее, — ответила Морвен. — Просто без тела.

Она наблюдала за ним, не выказывая интереса. Он шёл вокруг гроба, поправляя невидимые складки, проверяя угол наклона крышки, прикасаясь к бархату так, будто проверял качество ткани для нового костюма. Тщеславие. Но за ним — что-то ещё. Нетерпение? Нет. Страх перед собственной незначительностью.

— Музыканты могут начать? — спросила Морвен.

— Да. Нет. Подождите. — Маккензи сел в первый ряд, расправил брюки. — Сначала свет. Мне нужен приглушённый свет, но не мрак. Что-то... торжественное. Как в театре.

Морвен кивнула дворецкому — старому Томасу, который работал в бюро сорок лет и умел всё: от гравировки надгробий до регулировки люстр. Томас приоткрыл шторы, и в зал влился серый дневной свет, смешавшись с тёплым золотом ламп.

— Так?

— Выше. Нет, ниже. — Маккензи хлопал в ладоши, как режиссёр на репетиции. — Гроб должен быть в полутени. Чтобы лицо казалось... мирным.

— У вас мирное лицо, мистер Маккензи?

Он резко повернулся к ней, и на мгновение в его глазах вспыхнул гнев — быстрый, привычный, отработанный за годы управления тысячами рабочих. Потом гнев исчез, уступив место удивлению. Никто, видимо, давно не задавал ему неудобных вопросов.

— Я хочу, чтобы речь была... достойной, — сказал он, избегая прямого ответа. — Чтобы говорили о моих заслугах перед городом. О верфях. О рабочих местах. О том, как я спас Крейгхейвен от запустения.

— Это всё в газетах, — сказала Морвен. — Я читала.

— Тогда повторите. Красиво. С цифрами. Со статистикой.

— А что сказать о вашем брате?

Маккензи замер. Его лицо не изменилось — он был слишком хорошим деловым человеком, чтобы позволить эмоциям проскользнуть. Но его пальцы сжали подлокотник кресла так, что костяшки побелели.

— Каком брате? — спросил он легко, слишком легко.

— Дункане Маккензи. Младшем. Уехавшем в Канаду в 1984 году. В день похорон вашего отца.

— Он... не имеет отношения.

— К похоронам всегда имеют отношение те, кто не приходит, — сказала Морвен. — Это первое правило нашей профессии.

Маккензи встал. Его движения были резкими, нетерпеливыми.

— Начнём репетицию, — скомандовал он. — Музыка. Речь. Полный цикл. Я хочу это увидеть.

Акт III. Остановка репетиции и архив

Квартет прибыл в одиннадцать. Четверо молодых людей в чёрном, с инструментами в футлярах, которые стоили, наверное, больше, чем годовая зарплата Томаса. Они настроились, перешептались, и зал наполнился звуками Моцарта — «Реквием», часть «Lacrimosa». Медленная, тягучая, идеально подходящая для человека, который хотел умереть красиво.

Морвен стояла у кафедры с текстом, который они согласовали утром. Три страницы похвалы: о верфях, о меценатстве, о спасении города. О цифрах, о рабочих местах, о благотворительных фондах. Ни слова о брате. Ни слова о том, как Финлей Маккензи умер — согласно кондуиту, от разрыва сердца после ссоры с сыном-старшим, который обвинил его в предательстве младшего. Ни слова о том, что Дункан

уехал ночью, без чемодана, с одним билетом в один конец и письмом, которое так и не было отправлено.

Она начала читать.

Голос её был тихим, но в зале с хорошей акустикой — а акустика здесь была выверена веками — он звучал отовсюду и ниоткуда одновременно. Она говорила о градостроителе, о благодетеле, о человеке, который видел будущее там, где другие видели лишь руины. Она говорила о силе воли, о твёрдости характера, о способности принимать трудные решения.

Маккензи сидел в первом ряду, и его лицо менялось. Сначала он кивал — да, так, именно так. Потом его взгляд стал стеклянным, отдалённым. Потом — напряжённым. Когда она дошла до места о «благодарных жителях Крейгхейвена, которые навеки запомнят...», он вскочил.

— Стоп. — Голос прозвучал резко, перекрыв скрипки. — Стоп.

Музыка оборвалась на середине фразы. Скрипачи переглянулись.

— Что-то не так, мистер Маккензи? — спросила Морвен.

— Это... — он замахал руками, ища слова. — Это звучит как... как некролог для незнакомца. Как будто вы читаете о человеке, которого встретили в трамвае.

— Я читаю то, что вы просили.

— Но это не я! — вырвалось у него, и в этот момент — впервые за два дня — он был искренним. — Это не я. Это

маска. Это... пресс-релиз.

Морвен медленно опустила листы на кафедру.

— Кто вы тогда, мистер Маккензи?

Он стоял посреди зала, окружённый пустыми скамьями, нанятыми музыкантами, открытым гробом, и выглядел вдруг очень старым — не по годам, а по изнеможению. Человек, который сорок лет держал маску и вдруг понял, что она прилипла к коже навсегда.

— Я... — начал он, но не договорил.

Морвен вышла из-за кафедры и подошла к нему. Она была выше его на полголовы — высокая, седовласая женщина с прямой спиной и руками, которые знали, как держать гроб и как держать руку умирающего.

— Пойдёмте, — сказала она. — Есть кое-что, что вам нужно увидеть.

Она повела его в подвал.

Кондуит находился в подвале — в комнате без окон, освещённой лишь лампой дневного света, которая гудела тихо, как пчела в банке. Полки до потолка были заставлены папками, книгами, коробками. Запах здесь был другим — не воском и не чаем, а пылью, чернилами и чем-то металлическим, вечным.

Морвен достала с полки том за 1984 год и открыла его на закладке.

— Финлей Маккензи. Похороны 14 марта 1984 года. Заказчик — старший сын Арчибальд. Присутствовало 340 че-

ловек. Речь читал преподобный Маклин. Текст речи — стандартный, о верности, о трудолюбии, о благословении Господом.

Она перевернула страницу.

— Но вот запись в примечаниях. Рукой моей матери. «Сын младший, Дункан, отсутствует. По словам экономки, уехал в Канаду ночью 13 марта, за день до смерти отца. Причина неизвестна. Старший сын отказался комментировать. В семье — разлад».

Морвен посмотрела на Арчибальда.

— Ваш отец умер не от разрыва сердца на верфи. Он умер дома, в этой самой комнате, где вы с Дунканом росли. После ссоры. После того, как вы сказали ему, что подписали документы, по которым Дункан лишается наследства. Верно?

Лицо Маккензи побелело. Он схватился за полку, чтобы не упасть.

— Откуда... — прошептал он.

— Я не знаю подробностей, — сказала Морвен. — Я знаю архитектуру. Когда человек умирает, а брат уезжает в ту же ночь — это не совпадение. Когда старший сын через сорок лет заказывает прижизненную репетицию похорон с нанятыми плакальщиками — это не тщеславие. Это испуг.

Она закрыла том и поставила его на место.

— Вы боитесь умереть незамеченным, мистер Маккензи. Но ещё больше вы боитесь умереть непрощённым.

Акт IV. Разрушение защиты

Они вернулись в зал. Музыканты ушли — Морвен отпустила их, сказав, что репетиция отложена. Актёры-статисты тоже ушли, недоумевая, зачем им платили половину гонорара за то, что они так и не сыграли. В зале остались только Морвен, Арчибальд и Томас, который, как всегда, исчез в своей комнате, оставив дверь приоткрытой — на случай, если понадобится помощь.

Морвен села в первый ряд, рядом с Маккензи. Они смотрели на пустой гроб в полутени.

— Расскажите мне о Дункане, — сказала она. Не вопрос. Просьба.

Маккензи долго молчал. Его пальцы снова и снова сжимали и разжимались на коленях.

— Он был... мягче меня, — наконец сказал он. — Папа любил его больше. За что? За то, что он смеялся? За то, что он рисовал корабли, а не считал прибыль? Я не знаю. Но когда папа заболел, Дункан хотел превратить верфи в кооператив. Отдать рабочим долю. Я сказал, что он сумасшедший. Что папа не хотел бы этого. Что... — он сглотнул, — что если он не уймётся, я вычеркну его из завещания.

— И вычеркнули.

— Я блефовал, — голос Маккензи дрожал. — Я хотел, чтобы он сдался. Чтобы сказал: «Хорошо, Арчи, ты прав». Но он посмотрел на меня так... как будто впервые увидел. И ушёл. В ту же ночь. Папа узнал утром. Или ночью. Я не знаю. Его нашли мёртвым в кресле у камина. С письмом в руке. К

Дункану. Не отправленным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.